

СВЕТ

Газета православного Прихода храма
святого великомученика и целителя Пантелеимона поселка КУЗДЕЕВО
Издаётся по благословению Высокопреосвященнейшего Аристарха,
митрополита Кемеровского и Прокопьевского

№ 61 Июль 2014 г.

ПРАВОСЛАВИЯ

В номере:

- ◆ Первоверховные с.2
- ◆ Собор 12 апостолов с.2
- ◆ Крещение Руси с.3
- ◆ Рассказы с.4
- ◆ История Православной Церкви с.5-6

**12 июля—День памяти
святых первоверховных
апостолов Петра и Павла**

ПЕРВОВЕРХОВНЫЕ. ТРИ УРОКА ОТ ДВУХ АПОСТОЛОВ

Трудно найти людей, более непохожих друг на друга. Петр женат (Евангелие упоминает его тещу, а в посланиях есть слово о его жене-спутнице), а Павел – девственник. Петр знал Христа с первых дней общественного служения Спасителя, а Павел узнал Христа только воскресшим. Далее. Петр – галилейский рыбак, а Павел – ученик великих книжников и по воспитанию – фарисей. Они оба – евреи, однако Павел проповедовал слово Божие в основном язычникам, обновляя их Духом и из них составляя Церковь. Петр же проповедовал Евангелие главным образом обрезанным, то есть единоплеменникам. Петр старше всех из числа ближайших учеников, но Павел больше всех потрудился, хотя и говорит: «Не я, но благодать Божия». Они и умерли по-разному. Павлу, как римскому гражданину, отсекали голову. Три раза ударившись оземь, Павлова глава извела из земли три источника. Так и до сих пор называется место его смерти – «Три фонтана». А Петра распяли вниз головой, казнив перед тем его жену. «Жена, помни Господа!» – крикнул ей Петр и повис на кресте, ногами указывая Церкви на небо, куда всем нам взойти должно. Такое различие двух апостолов, поминаемых и празднуемых вместе, о чем нам говорит? О том, что в Церкви все разные. И различие это – подлинное благословение, если есть единство веры и союз любви. Люди должны быть разными, непохожими, несводимыми друг на друга. Если у диктаторов «незаменимых людей нет», то у Бога все уникальны и все незаменимы. Главное, чтобы была общая вера. Так Петр и Павел, по-разному потрудившись в разных местах вселенной, сошлись в конце пути в Риме, куда в те времена вели все дороги. Там они окончили мученически свой труд и свой земной путь, бесстрашной смертью подтверждая правду своей проповеди. Теперь они поистине вместе. Вместе – как наследники Царства Божия и венцов награды; вместе – как учителя Церкви, любимые всеми, кто любит Господа Иисуса.

Одна из важнейших составляющих духовной жизни – это перемена имени. Имя – не кличка, не звук, но сама сущность человека, явленная словесно.

Прежде, нежели Авраам стал Авраамом, он был Аврамом. Вначале найдя, а затем испытав его, Бог меняет ему имя добавлением еще одной буквы, что чрезвычайно многозначно, и лишь по недостатку места и времени мы не говорим об этом подробно. Так же и Моисей, умирая на границе Земли обетования, передает власть и полномочия своему соратнику

Осии. Тот должен ввести народ в Землю, но прежде Моисей меняет ему имя на – Иисус. В Апокалипсисе среди прочих обетований Христос говорит, что даст «побеждающему камень белый, и на камне – имя его новое». То есть спасенные будут переименованы в Царстве Божием, подобно тому как меняют имя христиане при монашеском постриге. Вот и празднуемые Петр и Павел не всегда носили эти – общеизвестные – имена. Петр был Симоном, а Павел – Савлом. Христос переименовывал Своих учеников, провидя их будущее служение и зная их внутренние свойства. Так и сыновья Зеведея – Иаков и Иоанн – стали «сынами грома». Симон же, сын Ионы, получил имя «камень», то есть Петр. Этот камень – доброе исповедание Иисуса как Сына Бога Живого. На этом исповедании до скончания века стоит и будет стоять Церковь. Павел же означает «маленький» (с латинского «паулус»). Проповедуя язычникам Евангелие, подобало Павлу носить такое имя, чтобы слух язычника не оскорблялся непривычным звучанием. Маленьким себя назвал великий Павел, потому что считал себя за

«изверга», то есть «выкидыша». Считал себя за бесполезное существо, так как было время, когда он гнал Церковь Божию. Не правда ли, знаменательно это переименование? Чему оно учит нас? Оно сводит воедино две необходимые вещи – твердость веры и личное смирение. В имени Петра – твердость скалы, о которую разбиваются любые волны. В имени Павла – добровольное самоуничтожение, врачевство от гордости, грозящей духовной смертью всякому человеку. Петр и Павел не зря поминаются вместе. Ведь не что-то одно нужно человеку, но обе добродетели. Твердая вера без смирения чревата крахом и разрушением. Смирение же без веры – бесполезное самоедство. Вот нам и очередной урок от такой, казалось бы, незамеченной темы, как новые апостольские имена.

Продолжим разговор о Петре и Павле. У важных дат есть так называемые предпразднство и попразднство, то есть дни приготовления к торжеству и дни наслаждения смыслом прошедшего праздника. Так поступаем и мы, говоря о верховных апостолах трижды – как бы до праздника, в праздник и по прошествии его. Всякий раз, когда мы причащаемся, мы повторяем апостольские слова. Кстати! Не забудем, что мы не можем причаститься, не вспомнив прежде Иуду-предателя и блудного разбойника! «Ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя: помани мя, Господи, во Царствии Твоем». Так молимся перед Чашей. Очевидно, потому, что всякий

грешник перед Богом – разбойник, а самое страшное в вере – это измена, предательство. Лучше и не знать Христа, чем, узнав, променять Его на что бы то ни было. И в этой же молитве есть слова Петра и Павла. Что самое главное из сказанного Петром? Исповедание, произнесенное в пределах Кесарии Филипповой в ответ на вопрос: «Кем Меня считают люди?». «Ты еси Христос, Сын Бога Живого», – ответил он тогда по внушению от Отца. Эти слова мы говорим перед причастием: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистинну Христос, Сын Бога Живого». А что говорил Павел? Ой, много. Но среди многого и это: «Христос пришел в мир грешников спасти, из которых первый – я». И эти слова мы повторяем перед Чашей. После Петровых слов: «Ты – Христос, Сын Бога Живого», – мы добавляем: – «пришедший в мир грешников спасти, от них же первый есмь аз». Таким образом, причащаясь, мы молимся словами Петра и словами Павла, в которых – чистое исповедание, с одной стороны, и смиренное осознание своих грехов – с другой. Мы чуть ранее говорили, что сами имена апостолов учат нас твердости веры и покаянию. Петр – Камень, Павел – добровольно умалившийся. Говорили, что человеку должно не просто верить, но верить и смиряться. Но и не просто смиряться, чтобы не зачахнуть от тоски, а именно смиряться и верить. В особенности соединение веры и смирения требуется перед Чашей. Здесь максимальное напряжение внутренних сил и умное внимание сердца! Здесь подлинное приобщение к силе веры апостольской! Здесь существенное родство с Петром и Павлом, с Андреем и Иаковом, с Фомой и Матфеем. Да что с ними! Здесь единение с Самим Воплотившимся Словом, Которое и жизнь дает, и от всякого греха очищает.

Вот нам три урока от двух апостолов: 1) единство веры в живом многообразии, 2) соединение твердой веры и деятельного смирения и 3) приобщение к апостольскому духу у Святейшей Чаши. Все это да вместится в нас молитвами бывшего галилейского рыбака и бывшего ученика Гамалеилова.

<http://www.pravoslavie.ru/put/54786.htm>

Собор 12 апостолов

Греческое слово «апостол» означает «посланный, слуга», то есть апостолы были посланниками, слугами Христа. Еще они назывались учениками Христовыми, потому что были ближе всех к Нему и более всех слушали Его святое учение. Спаситель избрал их на служение людям, когда Сам выступил на служение роду человеческому – за три года до Своей крестной смерти. Чтобы открыть миру Свое всемогущество Христос избрал и наделил чудесною силою почти всех апостолов из бедных, незнатных родов. Будучи призваны к апостольству, они оставили своих родных, свои дома и занятия и неотлучно следовали за Учителем. По Его повелению они проповедовали по городам и странам, охотно разделяя с Ним все лишения и страдания.

Имена 12 апостолов в Евангелиях перечислены в рассказе об их избрании и послании на проповедь (в Деян 1:13–26 этот список повторяется, за исключением имени Иуды Искариота, который заменяется жребием на Матфия).

Однако выделение учеников из числа постоянно окружавшего Христа народа происходило достаточно длительное время. Первыми к апостольству были призваны Андрей, Иоанн, Иаков, Симон (нареченный Петром), Филипп и Нафа-

наил (Ин. 1:35–49), из которых по крайней мере Андрей и Иоанн прежде были учениками Иоанна Крестителя (Ин. 1:35–40). Хотя пребывание со Христом уже пробудило в них веру в Него (Ин. 2:11), после первой встречи с Учителем они еще на некоторое время возвращаются к своим привычным делам. Продолжая заниматься рыболовством, будущие апостолы, как и прочие ученики, видели чудеса Господа в Галилее, слышали Его проповедь (Лк. 4:31–5:1). Переломным событием, после которого рыбаки превратились в «ловцов человеков», явился чудесный улов рыбы (Лк. 5:2–12). Они решили «оставить всё» и следовать за Учителем. Из множества учеников Господь позже пополнил число Своих первых апостолов до двенадцати, которые вплоть до ареста Христа уже не отлучались от Господа, от Которого обучались и готовились к последующему выходу на проповедь.

Окончательное избрание апостолов произошло, когда устами ап. Петра (Мф. 16:16) была исповедана их общая вера в Христа как Сына Божия. Однако и после этого Спаситель должен был укреплять их веру. В Евангелиях описаны примеры маловерия апостолов (Мф. 14:25–31; 16:8; 17:20; Мр. 4:37–40), непонимания ими слов и дел Христа (Мф. 15:15–16;

26:7–13; Лк. 9:45; 18:34; Ин. 12:16). Понимая учение о Царствии Божием как о земном царстве Израиля (Мр. 10:32–37), они ставят вопрос о человеческих привилегиях, которые можно получить, следуя за Господом (Мф. 20:20–24; Мр. 9:33; Лк. 9:46). Слабость их веры доходит до того, что в момент ареста все они оставляют Мессию (Мф. 26:56; Ин. 16:32), а Петр трижды отрекается от Него (Мф. 26:69–75). Один из двенадцати даже стал предателем. Даже после Воскресения Христа некоторые из них еще сомневаются (Мф. 28:17), продолжают по земному понимать учение о Царствии (Деян 1:6). И эти указания Священного Писания на несовершенство и человеческую слабость даже избранных учеников Господа говорят о том, что только с Божией помощью и силою Духа Святаго человеку дано побеждать свою греховную природу и обрести истинное знание Бога.

Окончательно апостолы стали теми, кем Христос «уловил вселенную» (тропарь Пятидесятницы), лишь получив в день Пятидесятницы в виде огненных языков дар Святаго Духа, Который «научил их всему» (Ин. 4:26). Силою Его они и совершали дело своего служения до самой смерти. Подобно своему Божественному Учителю апостолы испы-

тали множество бедствий и скорбей во время просвещения язычников – и устояли в этих испытаниях.

Почти все апостолы Христовы окончили свою страдальческую жизнь мученически. Святой Андрей Первозванный, проповедовавший Евангелие нашим предкам, был распят на кресте, также как и Петр, Иаков Алфеев, Иуда Иаковлев и Симон Зилот. Святые апостолы Павел и Иаков Зеведеев были обезглавлены, Фома – проткнут копьём.

Один лишь святой Иоанн Богослов скончался мирно, хотя и он при жизни претерпел множество страданий: его бросали в кипящее масло, томили в заключении. Теперь они удостоены высокой чести на небе – окружают престол Божий, а на страшном суде Христовом, восседая на двенадцати престолах, будут вместе с Господом судить всех людей, живых и мертвых.

Петр Первоверховный – первый епископ римский. Проповедывал в Никее, Сирии, Мал. Азии, Сицилии, Коринфе, Испании, Карфагене, Египете, Британии. В 67 г. в Риме распят вниз головой. Св. мощи – в Риме. Память 29 июня.

Андрей Первозванный, брат Петра, проповедывал в Византии, Фракии, Македонии, Мал. Азии, Алании, Крыму, Причерноморье, на Руси. Ок. 62 г. в Патрах распят на кресте в виде буквы Х. Часть главы в Амальфи. Память 30 ноября.

Иаков Заведеев, брат Иоанна Богослова, проповедывал в Испании. Ок. 44 г. усечен мечом в Иерусалиме при царе Ироде Агриппе I. Память 30 апреля.

Иоанн Богослов, евангелист, проповедывал в Мал. Азии, Иерусалиме, Ефесе, на о. Патмос. В нач. II в. (ок. 106 г.) мирно почил в Ефесе. Память 8 мая и 26 сент.

Филипп проповедывал в Сирии, Мал. Азии с ап. Варфоломеем; Греции, Аравии, Эфиопии, Фригии. Распят вниз голо-

вой в Иераполе (Фригия) в I в. Св. мощи в храме 12-ти Апостолов (Рим); рука – во Флоренции. Память 14 ноября.

Варфоломей проповедывал в Сирии, Мал. Азии (с ап. Филиппом); Индии, Вел. Армении. В I в. язычниками в Баку распят вниз головой (содрали кожу, отсекали голову). Часть св. мощей в Риме. Память 11 июня и 25 авг.

Фома проповедывал в Индии, Парфии, Мидии, Персии. В I в. мученически скончался в Индии, пронзенный 5-ю копьями. Св. мощи в Индии, в Эдессе, в Константинополе, рука – в Венгрии. Память 6 октября.

Матфей (бывш. мытарь Левий), перв. евангелист (41). Проповедывал в Македонии, Сирии, Персии, Парфии, Мидии, Эфиопии. В 60 г. в Африке распят на земле и сожжен людоедами. Память 16 ноября.

Иаков Алфеев, брат ап. Матфея, проповедывал в Эдессе, Иудее, Газе, Южн. Палестине, Египте. В I в. распят на кресте в Египте. Память 9 октября.

Иуда Иаковлев, или Фаддей, – брат Господень по плоти. Был в Иудее, Галилее, Самарии, Идумее, Аравии, Сирии, Месопотамии, Персии. В Армении ок. 86 г. распят на кресте, пронзен стрелами. Память 19 июня.

Симон Зилот проповедывал в Египте, Мавритании, Ливии, Нумидии, Киринии,

Абхазии. В I в. в Абхазии распят на кресте. Память 10 мая.

Матфий избран в число 12-ти вместо Иуды Искариота. Проповедывал в Иудее, Колхиде, Македонии. Ок. 63 г. побит камнями в Иудее. Глава в Риме, часть мощей в Трире, Павии. Память 9 августа.

Выше шла речь о первых 12 апостолах, которым посвящен сегодняшний праздник. Евангелист Лука сообщает также о том, что Господь «избрал и других 70 учеников и послал их по два пред лицем Своим во всякий город и место, куда сам хотел идти» (Лк. 10:1). Причина появления этого круга избранных учеников приводится в следующем стихе: «Жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву свою» (Лк. 10:2). Церковь чествует их 4/17 января как Собор 70 апостолов.

Еще позже, через несколько лет после Вознесения Господа, Им был призван на служение Савл, ставший апостолом Павлом. Но несмотря на столь позднее призвание и на исключительность обстоятельств, при которых он стал благовестником, апостол Павел вместе с Петром именуется Церковью как первоверховный.

Не так уж много было в первое время учеников Христовых (два «взвода» в армейском понимании), но, при помощи Божией, они своим учением победили

весь мир и утвердили основанную Господом Церковь. «Во всю землю изыде весть о нем, и в концы вселенныя глаголы о нем». Не было тогда ни одного народа, которому бы не благовествовали святые апостолы (а позже их преемники). Палестина, Сирия, Месопотамия, Италия, Греция, Армения, Индия, Персия, Британия, Египет, Эфиопия и многие другие страны были оглашены их учением, подкрепляемым чудесами. В этом ряду стоит и Русская земля, которую посетил и благословил апостол Андрей Первозванный, особо чтимый за это Русской Церковью. В этом можно видеть и особый Божественный знак будущего особого призвания России.

Вспоминая близость апостолов ко Господу, их великие труды и страдания во славу Божию ради нашей святой веры, многие святые последователи старались подражать им, если не в просветительской апостольской деятельности, которая не для всех была доступна, то, во всяком случае, в жертвенном служении Богу. Особо мы чтим святых, которых Церковь величает равноапостольными – в их числе св. равноапостольного Владимира, Крестителя Руси. Святой благоверный царь Константин Великий (306 – 337) построил в Царьграде храм во имя святых Двенадцати апостолов.

<http://www.anapahram.ru/news/9755-sobor-12-ti-apostolov-jitiia-ikonny-molitvy>

28 ИЮЛЯ – ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА. ДЕНЬ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

которая уравнивает всех – от самого князя и его двора до последнего селянина (смерда). Сначала он пытался опереться на традиционное язычество, в котором обожествлялись силы природы.

По словам летописца, Владимир «поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам <...>. И осквернилась кровью земля Русская и холм этот. Но преблагой Бог не хочет гибели грешников».

Князь скоро убедился, что это тупиковый путь. Действительно, ведь Римская империя (на обломках западной половины которой сформировались молодые европейские государства, а восточная часть продолжала существовать и известна нам как Византия) решительно отказалась от утонченного античного язычества шестью веками ранее, и история давно доказала необратимость этого пути. Поэтому какой бы силой ни обладало Русское государство, оно все равно продолжало оставаться для Европы

государством «варварским» и примитивным, не обладавшим даже национальной письменностью, без чего невоз-

можно создание цивилизованного общества.

Всё изменилось очень быстро. С крещением князя Владимира и началом официальной христианизации Руси появилась письменность, столетием ранее созданная для моравских славян. Она стала основой национальной литературы, сумевшей за несколько десятилетий вобрать в себя культурный опыт, накопленный христианской Европой в течение многих столетий. Это было подобно чуду, и этот культурный взлет, сразу включивший Русь в ранг цивилизованных государств, был бы абсолютно невозможен при ином княжеском решении. Происшедшее сравнимо с прививкой дичка к культурному дереву. «О блаженное время и день добрый, в который крестился князь Владимир! – восклицает монах Иаков в своей «Похвале». – <...> Крестил же и всю землю Русскую от края и до края, ...и церковь создал каменную во имя Пресвятой Богородицы, прибежище и спасение душам верным, и десятину ей дал, тем самым попов обеспечив, и сирот, и вдовиц, и нищих. И потом всю землю Русскую и грады все украсил святыми церквами».

После крещения князь Владимир женился на Анне, сестре императора Василия II (что было абсолютно невозможно ранее!), – «и в династическом плане Русь поднялась на невиданную высоту, она породнилась с императорским домом Византии. Из варварской державы на краю света вдруг появилась держава с мировой культурой, мировой религией, и сразу это было ознаменовано расцветом древнерусской культуры. <...> Русь сразу становится мировой державой, а Киев – соперником

Константинополя» (Д. Лихачев). Такой и только такой лик надлежало явить Руси пред миром и Вечностью.

В древнерусских рукописях часто встречается словосочетание «православные крестьяне» или просто «крестьяне» в значении «христиане» (элементарный фонетический переход). И скоро это слово становится самообозначением сельского населения, составлявшего более 95% всех россиян. Здесь – замечательный пример отождествления себя как сословия с главными выразителями и хранителями религии, будто бы навязанной «сверху»!

Без духовного подвига князя Владимира не было бы ни древнерусского храмового искусства, которым восхищается весь мир, ни великой русской классической литературы. А Александр Пушкин не услышал бы в переводе «Илиады» Николая Гнедича «умолкнувший звук божественной эллинской речи», если бы гениальные филологи святые братья Кирилл и Мефодий не сообщили создаваемому ими литературному славянскому языку всю гибкость и выразительность своего родного греческого, знакомство с которым до недавнего времени было обязательным для каждого интеллигентного россиянина, посещавшего в детстве гимназию.

Празднуя из года в год память своего просветителя, мы вновь и вновь обращаемся к великим событиям, навсегда определившим наш культурный путь в мировой истории. Странно сознавать, что недавно они отошли уже в позапрошлом (!) тысячелетии христианской эры.

Юрий Рубан
<http://minds.by/news/>

«С крещения Руси вообще можно начинать историю русской культуры» (Д. С. Лихачев)

Прошло три дня после празднования памяти княгини Ольги, и сегодня (28 июля по н. ст.) в церковном календаре значится память ее внука, Владимира Святославовича, совершившего то, о чем она могла лишь мечтать. И это глубоко символично. Ольга опередила свое время, став христианкой в могущественном языческом государстве россос, и лишь Владимир смог к внешней политической силе присоединить высочайшую культуру, которую несло с собой христианство.

Храбрый воитель и разумный политик, сын Святослава хорошо понимал, что прочное единение его многоплеменного государства невозможно без единой религии,

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.

(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)

(Продолжение. Начало в № 27-60)

Это подтверждается и дальнейшим развитием событий. Если два Символа и письма Кирилла были единогласно приняты всеми делегатами Собора, то епископы из Иллирика (находившиеся в юрисдикции папского викария - митрополита Солунского) и Палестины выразили сомнение в православии нескольких выражений из томоса папы Льва, которые, по их мнению, противоречили учению св. Кирилла. Это показало, что имперские уполномоченные были правы, когда говорили о необходимости составления нового исповедания веры, которое было бы приемлемым и для Рима, и для прокирилловского большинства собравшихся.

Споры и нестроения, вызванные как возражениями против текста св. Льва, так и опасениями ряда участников Собора, что он откажется от кирилловской терминологии, были настолько серьезными, что уполномоченные должны были использовать всю свою власть для того, чтобы закрыть сессию и объявить перерыв на пять дней, порекомендовав всем сомневающимся обратиться за разрешением своих недоумений к Анатолию Константинопольскому - убежденному кирилловцу и бывшему другу Диоскора, но также и искусному дипломату - или к лицам, которых он укажет. Атик Никопольский из Эпира, один из наиболее последовательных кирилловцев, возражавших

против томоса Льва, потребовал даже, чтобы для проверки православия Папы римского использовалось бы также не читавшееся на Соборе третье письмо Кирилла Несторию, содержавшее 12 анафематизмов. И так, споры, разразившиеся на третьей сессии Собора, привели к решению исследовать православие самого папы Льва, исходя из критериев учения св. Кирилла.

Четвертая сессия началась с провозглашения томоса папы Льва выше всех подозрений в ереси. Легату Пасхалию было позволено выступить с необходимым для спасения чести римской делегации заявлением: "Достопочтенный Лев, епископ всех церквей (! - А.Д.), даровал нам изложение истинной веры... Эту веру провозглашает Собор... ничего не изменяя, ни буквы не сокращая и ни буквы не добавляя", - после чего все епископы, один за другим, заявляли, что томос Льва был в полном согласии с Никеей, Константинополем, Эфесом и... Кириллом. Епископы палестинские и иллирийские также подписали томос, заявив, что они тщательно изучили вопрос, провели ряд совещаний с Анатолием и римскими легатами, и у них не осталось сомнений, что томос - православен и выдерживает экзамен по всем пунктам кирилловской христологии: "Легаты объяснили нам все, что нам казалось спорным в выражениях архиепископа Льва". Хотя эта сессия формально соответство-

вала инструкциям, данным Львом своим легатам, - томос был принят как изложение православной веры, - невольно создавалось впечатление, что Лев был подвергнут суду и оправдан на основании соответствия христологии Кирилла как критерия Православия.

На той же сессии в общение Собора были возвращены Ювеналий Иерусалимский и другие бывшие друзья Диоскора. Конечно, они тоже подписались под томосом папы Льва, и отцы Собора восславили восстановленное единство Церкви. Легаты считали, что на этом Собор должен закончиться. Все подписали вероопределение папы, чего же еще надо? Но тут воспротивилась имперская власть. Если речь шла о подписании томоса, достаточно было бы разослать его по епархиям, а не собирать за казенный счет более 500 епископов. Нужно было четкое и недвусмысленное определение, тем более что недостатки латинской терминологии томоса оставляли простор для всякого рода интерпретаций.

Ряд достаточно тревожных фактов показал, что имперские уполномоченные были правы и будущее не было таким радужным, как казалось большинству присутствовавших. Все предпринятые отцами Собора и имперскими уполномоченными попытки заручиться вероучительным согласием группы авторитетных архимандритов, в том числе и знамени-

того сирийского отшельника Варсумы, были безуспешны. Монахов привели на Собор, но они оказались куда менее податливыми, чем епископы: отказались анафематствовать не только Диоскора, но даже и Евтиха. Именно они в ближайшие годы сделались лидерами антихалкидонской оппозиции.

Такое отношение монахов и их заявка на то, что они были единственными продолжителями св. Кирилла, вкуче с их отказом отвергнуть евтихианство, ясно показало, что ради сохранения православной христологии - в том числе и наследия св. Кирилла - составление вероучительного определения было насущной необходимостью. Легаты сослались на формальное запрещение Эфесского Собора составлять какой-либо иной символ веры, кроме никейского. После долгих споров было решено составить не символ, а вероопределение (орос).

Это было на пятой сессии Собора, собравшейся 22 октября. Эта сессия была больше похожа на встречу руководящего комитета, чем на пленарное заседание: на ней присутствовало лишь ограниченное число участников - имперские уполномоченные, папские легаты, представители главных Церквей (Константинополь, Антиохия и Иерусалим) и 52 других епископа. Участники рассмотрели предложенный Анатолием Константинопольским проект ороса.

Его текст отсутствует в протоколах, но из оживленной дискуссии, последовавшей после его оглашения, мы можем заключить, что в нем содержался термин "Богородица" - что было важным антинесторианским жестом, подтверждающим решения III Вселенского Собора в Эфесе, - и что Личность Иисуса Христа определялась в нем как единство из двух природ, т.е. в согласии с буквой св. Кирилла. Принятие такого текста, скорее всего, удовлетворило бы Диоскора, и раскола удалось бы избежать. Кирилловский характер проекта вызвал возражение друга Нестория и Феодорита Иоанна Германикийского, по всей видимости, отвергавшего термин "Богородица". Но его одинокий голос был подавлен выкриками: "Долой несториан! Пусть Мария письменно будет обозначена Богородицей!"

Гораздо более угрожающим был протест римских легатов: "Если проект не будет согласован до точности с томосом апостольского и блаженнейшего мужа

архиепископа Льва, то дайте нам его копию, верните наши верительные грамоты, и мы отбудем в Италию, чтобы провести собор там". Как мы помним, официальная позиция Римской Церкви была такова: все вопросы уже были разрешены в томосе Льва, и никаких последующих вероопределений не требуется. Поскольку имперские представители, чьей главной задачей было обеспечить единство "двух Римов", все же настаивали на принятии ороса, он неизбежно должен был быть приведен в полное соответствие с томосом. Они предложили сформировать из представителей всех сторон новую комиссию, чтобы отредактировать предложенный Анатолием текст. Епископы яростно протестовали против такого решения. Большинство из них было вполне удовлетворено существующим проектом. Уполномоченные вынуждены были отправить доклад императору Маркиану, и уже по его приказу была создана новая комиссия, в которую вошли легаты, Анатолий, шесть еписко-

пов диоцеза Востока и по три епископа из диоцезов Понта, Азии, Фракии и Иллирика (всего 23 члена). Комиссия немедленно приступила к работе.

5. Этот эпизод истории интерпретировали по-разному - в зависимости от их взглядов. Апологеты папского верховенства видят в нем убедительную победу римской власти. Представители нехалкидонского Востока всегда отзывались о нем как о трагической капитуляции перед властью папы и императора. Историки, симпатизирующие антиохийской и западной христологии, высказывали недоумение и озабоченность "слепотой" греческого епископата, неспособного понять вопиющую ересь Диоскора, и чрезвычайно высоко отзывались о твердости позиции легатов.

Однако никто из участников тех событий не воспринимал их в таком упрощенном и огрубленном виде. Ведь все епископы еще на предыдущей сессии подписались под томосом папы Льва. Они понимали это как абсолютно ясное и пол-

ное выражение осуждения ими Евтиха и принятия ими формулы двух природ, столь энергично выдвигаемой Львом. Когда имперские уполномоченные задали им прямой вопрос: "За кем вы следуете, за Львом или за Диоскором?", - участники Собора дали такой же прямой и недвусмысленный ответ: "Мы веруем как Лев". Причина, по которой им было трудно принять формулу "в двух природах", а не "из двух природ", заключалась прежде всего в том, что они предвидели опасные последствия такого полного отвержения терминологии, использовавшейся св. Кириллом. Для них, как и для отцов V Вселенского Собора, который состоялся столетие спустя, когда раскол уже был необратим, ни терминология св. Кирилла ("из двух природ"), ни терминология св. Льва ("две природы" после объединения) не воспринимались как независимая или самодостаточная: каждая из них служила лишь для отвержения ошибочных учений, т.е. соответственно несторианства и евтихианства.

Итак, комиссия собралась и всего за несколько часов напряженной работы произвела знаменитую формулу, которая была очень тонко продуманным компромиссом, пытающимся удовлетворить кирилловцев (использование термина "Богородица", единство "в одной Ипостаси"), папских легатов ("познаваемым в двух природах... сохраняется особенность каждой природы") и подчеркивающим тайну Боговоплощения, используя четыре отрицательных наречия ("неслитно, непревращенно, неразделимо, неразлучимо"). Источниками формулы послужили: 1) мирное соглашение 433 г.; 2) 2-е письмо св. Кирилла Несторию; 3) томос папы Льва.

Определение ("орос" - "орос") никогда не предназначалось для того, чтобы стать новым символом веры, поэтому используемый некоторыми историками термин "Халкидонский символ" некорректен. Орос не предназначался для литургического, сакраментального или "символического" использования - его задача виделась в том, чтобы отсеять как несторианскую, так и евтихианскую ереси. В преамбуле определения такое негативное, антиеретическое намерение его составителей выражено весьма четко и ясно. Приводился полный текст двух символов - Никей и Константинополь, а затем говорилось, что оба эти символа

были "вполне достаточны" для знания истины. И лишь только после такого консервативного и охранительного заявления в оросе даются ссылки на несторианство, евтихианство и письма Кирилла и Льва, написанные "ради установления истинной веры". Упоминание Кирилла и Льва является еще одним отражением убеждения Собора в том, что православная вера была выражена ими обоими.

Халкидонский орос также не предназначался для того, чтобы заменить собой в качестве выражения истинной веры ни письма св. Кирилла, ни томос папы Льва: он, скорее, пытался найти нужные христологические термины для сохранения верности обоим источникам. Те исторические, которые (даже сегодня) говорят о том, что отцы Халкидона "отреклись" от Кирилла, совершенно неправы: с таким же успехом они могли бы говорить, что участники Собора "отреклись" от папы Льва (например, когда они провозгласили "ипостасное единство").

Самая главная часть ороса, из-за которой на пятой сессии проходили самые жаркие споры, звучит так:

"Итак, следуя за божественными отцами, мы все единогласно учим исповедовать Одного и Того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, Совершенным по Божеству и Его же Самого Совершенным по человечеству; подлинно Бога и Его же

Самого подлинно человека: из разумной души и тела. Единосущным Отцу по Божеству и Его же Самого единосущным нам по человечеству. Подобным нам во всем, кроме греха.

Прежде веков рожденным из Отца по Божеству, а в последние дни Его же Самого для нас и для нашего спасения (рожденного) по человечеству из Марии Девы Богородицы.

Одного и Того же Христа, Сына, Господа Единородного, познаваемым в двух природах неслитно, непревращенно, неразделимо, неразлучимо.

(При этом) разница природ не исчезает через соединение, а еще тем более сохраняется особенность каждой природы, сходящейся в одно Лицо (τὸ ὄντως) и в одну Ипостась.

(Учим исповедовать) не разсекаемым или различаемым на два лица, но Одним и Тем же Сыном и Единородным, Богом-Словом, Господом Иисусом Христом:

Как изначала о Нем (изрекли) пророки и наставил нас Сам Господь Иисус Христос и как предал нам символ отцов наших".

Ядром этого определения являются 4 апофатических наречия: *неслитно, непревращенно* - против монофизитства; *неразделимо, неразлучимо* - против несторианства. Слова все отрицательные: что может сказать человеческий

язык о тайне Личности Христовой? Но это отрицательное определение имеет неисчерпаемый религиозный смысл: оно навеки ограждает, описывает, выражает то, что составляет саму сущность христианства, саму радостную тайну Евангелия. Бог соединился с человеком, но в этом соединении человек сохраняется во всей своей полноте: он ни в чем не умален. И вот - в нем полностью Бог: одна личность, одно сознание, одно устремление... Халкидонский догмат дал человечеству новое измерение; его подлинная мера - Богочеловечество. Бог приходит к человеку не для того, чтобы умалить его, а чтобы Божественную Личность сделать личностью человеческой.

Выражение "в двух природах", которое так и не приняли кирилловцы, было взято из томоса, куда, в свою очередь, оно попало из блж. Августина. Монофизиты сослались на формулу Кирилла: "Одна природа". Умеренные согласны были на выражение "из двух природ". Но определение "в двух природах" стало для них камнем преткновения.

Во всяком случае, были вновь анафематствованы и Несторий, и Евтих.

25 октября на Собор явились Маркиан и Пульхерия. Орос - вероопределение - был подписан в их присутствии.

(Продолжение на стр. 8)

История Православной Церкви

Подписали его почти все присутствовавшие - около 350 делегатов, т.е. на 150 человек меньше, чем общее число собравшихся. Очевидно, многие, не желая подписывать такой документ, бежали с Собора. Несколько александрийских епископов буквально умоляли собравшихся не заставлять их подписывать орос, так как они опасались за свою жизнь по возвращении в Александрию.

В протоколе зафиксированы восклицания: "Мы все так веруем! Мы все согласны! Мы все подписали единодушно! Это вера отеческая, апостольская, православная! Слава Маркиану, новому Павлу, новому Константину, новому Давиду! Ты - мир мира! Ты утвердил веру православную! Многие лета императрице! Ты - светильник веры православной! Тобой царит мир повсюду! Маркиан - новый Константин, Пульхерия - новая Елена!"

Эти восклицания вполне сравнимы с уже упомянутыми нами возгласами: "Петр глаголет устами Льва". И в этом случае также следует сделать ссылку на восточную цветистость речи и не пони-

мать этих слов буквально.

6. На 9 и 10-й сессиях (26-27 октября) рассматривалось дело блж. Феодорита и Ивы Эдесского. Было очевидно, что в противостоянии Евтиху Феодорит явил себя настоящим героем и исповедником, но, с другой стороны, он сильно испортил свою репутацию полемикой против Кирилла. Феодорит в своих писаниях резко критиковал Эфесский Собор и самого Кирилла. Ива в письме к Марию Персу обвинял Кирилла в аполлинаризме. Самого его, в свою очередь, обвиняли в ряде еретических несторианских высказываний, но эти обвинения пришлось снять за недоказанностью. Феодорит подготовил целую апологию своей позиции. Но все были утомлены, слушать никто больше ничего не хотел:

"Не надо никаких рассуждений! Анафематствуй Нестория и довольно!"

Феодорит: "Не стану я анафематствовать, прежде чем я не докажу вам, что я православен".

"Вы видите, он - несторианин! Вон еретика! Скажи ясно: Св. Дева - Богородица, и анафема Несторию и всякому,

кто не называет Марию Богородицей и разделяет Христа на двух сынов!"

Проблема была и в том, что ранее, еще во время III Вселенского Собора, Феодорит торжественно поклялся, что никогда не будет анафематствовать Нестория. Хотя это было уже давно, а теперь он ясно видел серьезные ошибки и просчеты Нестория, все же он чувствовал себя связанным данным словом. Тем не менее после нескольких тщетных попыток объяснить свою позицию Феодориту пришлось сдаться и подписать анафему Несторию. Тогда епископы провозгласили: "Феодорит достоин кафедры; православного - Церкви!" Иве Эдесскому тоже пришлось анафематствовать Нестория, после чего и он был оправдан.

Реабилитация Феодорита и Ивы знатила, что Собор принял в общине двух видных и талантливых бывших критиков Кирилла. В дальнейшем "кирилловцы-фундаменталисты" - которые впоследствии станут известны как "монофизиты" - широко используют этот факт в своей диффамации всех достижений Халкидонской Церкви.

7. Собор проходил в пригороде имперской столицы, его направляли имперские уполномоченные, особую роль на нем играл Анатолий, архиепископ Константинопольский, которому было поручено составить проект ороса и даже утвердить признание верховенства Римской кафедры на Соборе (несмотря на все ссылки на св. Петра, престиж "ветхого Рима" всегда понимался на Востоке в имперском контексте). Все это показывает, что Халкидонский Собор был имперским собором и его самым конкретным историческим результатом в области церковного устройства было окончательное определение роли Константинопольской Церкви.

Именно это является содержанием **28-го правила Халкидонского Собора** - о статусе Константинополя. На фоне морального крушения Александрийского патриархата, оказавшегося виновным в покровительстве ереси, выиграли утверждение своих привилегий патриархи Иерусалима и Антиохии. Настало время утвердить привилегии Константинополя. Преимущество столичной кафедры над другими, даже и над Римом, были очевидны всем. Оставалось лишь узаконить их, ибо пока, согласно букве закона, Константинополь оставался простой епископской кафедрой в Гераклейском митрополичьем округе.

Папа Лев заранее просил легатов приложить все усилия, чтобы на новом Соборе не было принято никаких постановлений, подобных 3-му правилу Константинопольского Собора. Он наказал им при случае ссылаться на 6-е правило Никейского Собора, где говорилось о трех старейших кафедрах, а Константинополь даже не был упомянут. Но он и не мог быть упомянут на Никейском Соборе, т.к. города Константинополя тогда попросту не существовало.

30 октября текст нового канона был поставлен в повестку дня. Легаты отказались участвовать в этом заседании, заявив, что им не было предоставлено полномочий в этих вопросах: они рассчитывали, что без их присутствия сессия Собора не сможет состояться. Однако легатов попросту провели. Их повезли на экскурсию по городу, а в это время имперские уполномоченные решили, что сессия может состояться и без них, так как дело было "совершенно очевидным" и затрагивало лишь три диоцеза - Фракии, Понта и Асии. Текст канона был принят голосованием и подписан. Очевидно, протесты узнавших о принятии канона

Еще на II Соборе (3-е правило) было постановлено: "Константинопольский епископ да имеет преимущество чести по римском епископе, потому что город этот есть Новый Рим", т.е. критерием для чести и места епископских кафедр в диптихах было выдвинуто политическое обоснование. Рим, считавший, что его первое место связано прежде всего с его особыми отношениями с князем апостолов - св. Петром, - этого правила не признавал.

Архиепископы Константинопольские, со своей стороны, понимали всю декларативность постановления II Вселенского Собора, ибо их канонический статус по-прежнему оставался неясным. Границы Константинопольского митрополичьего округа не были определены, так же как не были оговорены конкретные полномочия и права самих столичных архиепископов.

На Соборе был поставлен целый ряд дисциплинарно-территориальных проблем: о новом Эфесском епископе, о конфликте между Никомидийским и Никейским епископами и др. По просьбе имперских уполномоченных окончательное решение по всем этим вопросам откладывалось на потом, "когда Собор будет в нужном состоянии". На самом деле проект **28-го правила**, утверждающего географические границы юрисдик-

отсутствовавших легатов были весьма энергичными, так как на следующий день была созвана новая сессия для рассмотрения этого дела. На ней присутствовали имперские уполномоченные, легаты и 214 епископов или их представителей. Текст, прочитанный собранию в качестве уже принятого канона, звучал так:

"Следуя во всем за определениями свв. отцов и признавая прочитанный тут канон 150 боголюбнейших епископов, бывших в соборе (381 г.) в дни благочестивой памяти Феодосия в царствующем граде Константинополе, Новом Риме, то же самое и мы определяем и постановляем о преимуществах святейшей церкви того же Константинополя, Нового Рима.

Ибо и престолу Ветхого Рима отцы, как и подобало, дали преимущества, потому что он был царствующим градом. Следуя тому же побуждению, и 150 боголюбнейших епископов предоставили такие же преимущества святейшему престолу Нового Рима, справедливо рассудив, чтобы град, получивший честь быть градом царя и сената и имеющий равные преимущества с вет-

ции Константинополя, уже находился в стадии разработки, причем инициатива его принятия исходила от самого имперского престола.

В числе двадцати семи дисциплинарных канонов, принятых на седьмой сессии Собора, каноны 9 и 17 предоставляли епископу Константинопольскому право принимать апелляции от клириков, недовольных решением своих митрополитов. Но это право не выглядело пока очень твердым и, по всей видимости, распространялось лишь на территории трех диоцезов - Понта, Фракии и Асии: недовольные клирики получали право выбора, кому подать апелляцию - "экзарху диоцеза" - т.е. епископу главного города диоцеза (города, где находится резиденция римского перфекта), или столичному епископу. 28-й канон проясняет ситуацию в этих трех диоцезах, устанавливая и четко оговаривая юрисдикцию Константинополя над ними. Право на апелляцию, определенное в 9-м и 17-м канонах, теперь начинает интерпретироваться как относящееся не только к вышеупомянутым трем диоцезам (откуда теперь исчезают "экзархи"), но и повсюду, как право Константинополя на рассмотрение апелляций по решению других патриархов (которых теперь иногда называют "экзархами").

Невозможно узнать, существовал ли

На той же сессии 26 октября Ювеналий Иерусалимский наконец получил награду за свое тройное предательство: Палестина была выделена в отдельный патриархат за счет патриархата Антиохийского. Антиохии были оставлены так называемые "Две Финикии" (т.е. нынешние Ливан и Сирия) и неопределенная "Аравия" (Заиорданье и земли за ним). А Иерусалим получил "Три Палестины" с тремя митрополичьими центрами: Кесария (при море), Скифополис (Южная Палестина) и Петра (юго-восток от Мертвого моря). Этим компромиссом завершилась длительная и зачастую весьма некрасивая борьба, которую Ювеналий Иерусалимский вел за церковную власть. Одно время даже казалось, что ему удастся подмять под себя саму Антихию.

В результате Иерусалимская Церковь смогла добиться законного места среди великих патриархатов, хотя в 7-м правиле Никейского Собора она была упомянута лишь как кафедра Элии, находящаяся в юрисдикции митрополита Кесарии Палестинской.

уже текст 28-го канона в виде законопроекта еще до начала работы Собора, или он был составлен на основе решаемых на сессиях проблем. Однако можно не сомневаться, что Маркиан и Пульхерия совершенно определенно решили положить конец фактической власти Александрии, которая в течение десятилетий могла навязывать свою волю Вселенской Церкви, не обращая внимания на почетное положение, приобретенное Константинополем в 381 г. на Константинопольском Соборе. Более того, Александрия вообще не признавала ни Константинопольского Собора, ни введенной им имперской системы. До 451 г. этот Собор не признавался и Римом. Но в Халкидоне Никео-Константинопольский символ был официально утвержден, в том числе и с одобрения Рима. Евсевий Дорилейский свидетельствовал, что, когда был в Риме в 449-450 гг., он лично прочитал третий канон Собора папе Льву, и тот нимало не возражал. В связи с этим вполне вероятно, что константинопольские власти были искренне удивлены резким сопротивлением Рима их плану введения в Церкви имперского порядка, который основывался на власти и авторитете "двух Римов".

ми полномочиями авторитету. Константинопольский архиепископ фактически сделался патриархом (хотя по отношению к нему еще не употребляется этот титул), наделенным ограниченным, но ясно сформулированным правом хиротоний в трех диоцезах (областях, охватывающих ряд провинций), точно так же как и его коллеги в Александрии, Антиохии и Риме, привилегии (преимущества) которых были упомянуты в 6-м каноне Никейского Собора. Древние и престижные привилегии Эфеса незаметно исчезли, так же как и должность "экзарха". Более того, и это чрезвычайно важно, канон дал мощную поддержку принципу, что верховенство кафедр основано исключительно на политических причинах: отцы предоставили привилегии кафедре самошо древнего Рима, как провозглашалось в каноне, потому что он был имперской столицей, а не потому что он был основан св. Петром. Следовательно, вполне логично было и кафедре новой столицы приобрести тот же статус, хотя она и не была основана апостолами.

(Продолжение в №62)

Редактор: Протоиерей Максим Липунов
Выпуск подготовила: И.Н. Андряханова
Электронная почта: lipunov.net@mail.ru
Сайт прихода: kuz.prihod.ru

Адрес:

654250, Новокузнецкий р-н, пос. Кузедеево, ул. Советская, 25.
Тираж: 200 экз.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Просим Вас не употреблять эту газету в хозяйственных нуждах.
Если она стала Вам не нужна, отдайте её другим людям, если стала ветхой, сожгите.